

Лейкин Николай Александрович

Странствующая труппа

Роман в 2 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Странствующая труппа: Роман в 2 частях / Лейкин Николай Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 454 с.

ISBN 978-5-519-92944-8

ISBN 978-5-519-92944-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СТРАНСТВУЮЩАЯ ТРУППА.

I.

Актеръ Котомцевъ, рослый брюнетъ съ гладко-бритымъ лицомъ, вошелъ въ номеръ провинціальной гостинницы и, сердито швырнувъ свою складную порыжѣлую пляпу на диванъ, сталъ снимать съ себя пальто.

— Чего ты швыряешь-то? огрызнулась на него жена, худая молодая еще женщина, разглаживавшая на столѣ маленькимъ утюгомъ шелковую юбку.

— А съ того, что, кажется, мы въ такое мѣсто заѣхали, что хуже Алеутскихъ острововъ, отвѣчалъ Котомцевъ, очутившійся въ черной фрачной парѣ. — Это даже и не городъ, а посадъ.

— У головы былъ?

— Былъ и у головы, былъ и у полицейскаго

надзирателя или пристава, что ли,—это двѣ единственныя власти, управляющія посадомъ.

— Ну, и что же?

— Голова сѣрый мужикъ, хоть и одѣтъ въ крахмальную сорочку съ стоячими воротничками, полицейскій надзиратель истуканъ какой-то.

— Ну, и что же они тебѣ сказали?

— Голова, спасибо ему, поставилъ графинъ водки, выставилъ кусокъ икры, селедку, сыру и мятные пряники къ чаю, а надзиратель или приставъ и того не сдѣлалъ, а только спросилъ: «паспорты-то у васъ въ порядкѣ ли?»

— Насчетъ театра-то что? Насчетъ театральной залы? допытывалась жена.

— Да нѣтъ здѣсь, оказывается, никакого театра, и никакой театральной залы нѣтъ.

— Зачѣмъ же мы сюда заѣхали?

— Да Сусловъ навралъ, что въ семьдесятъ девятомъ году онъ, будто бы, здѣсь концертами съ живыми картинами хорошіе сборы бралъ. Но говорятъ, что здѣсь вообще лѣтъ восемь уже никакихъ представлений не было. Восемь лѣтъ тому назадъ, говорятъ, пріѣзжалъ какой-то циркъ, но давалъ свои представленія въ парусинной палаткѣ, разбитой на площади.

— Такъ гдѣ же мы-то будемъ давать спектакли? Котомцевъ только развелъ руками.

— Все-таки вѣдь клубъ есть и навѣрное при немъ зала? допытывалась жена.

— Здѣсь, матушка, такое мѣсто, что и слово-то клубъ не всякій выговорить. Какой тутъ клубъ Ничего нѣтъ.

— Ну, ратуша... Въ ратушѣ и должно быть зало.

— Есть. Но голова говорить: «Какъ бы Богъ на насъ не прогнѣвался, если мы его подъ театръ пустимъ». Вотъ какія понятія! Впрочемъ, полицейскій надзиратель обѣщался его уговорить. А и уговорить, такъ какъ мы будемъ играть? Нѣтъ ни занавѣса, ни декорацій.

— Какъ же ты такъ опрометчиво привезъ насъ сюда?

— Сусловъ... Ему повѣрилъ. Теперь ежели уѣзжать отсюда въ Быстринскъ — съ чѣмъ мы поѣдемъ? У меня денегъ всего только рубль тридцать копѣекъ, и заложить нечего.

— Такъ что же мы будемъ дѣлать?

— И ума не приложу. Попробовать развѣ дать музыкально-литературный вечеръ въ ратушѣ, если надзиратель выхлопочетъ намъ зало?

— Послушай... Есть же здѣсь какіе-нибудь актеры-любители... Ты бы къ нимъ обратился. Вѣдь гдѣ же нибудь они даютъ свои спектакли. Не можетъ быть, чтобъ городъ былъ безъ любителей.

— Понимаешь ты, что это не городъ.

— И все равно, актеры-любители должны быть. Ты не спрашивалъ про любителей?

— Да я, матушка, такъ обезкураженъ, что...

— А водку у головы, однако, и обезкураженный пилъ.

— Ну, попреки... Только этого недоставало.

Вошелъ Сусловъ — худенькій, корявенькій лѣтъ сорока мужчина въ замасленномъ пиджакѣ и отрепанныхъ сѣрыхъ брюкахъ. Онъ держалъ что-то въ кулакѣ, потряхивалъ имъ и говорилъ:

— Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру. Два съ четвертью сейчасъ съ одного купца въ трактирѣ на билліардѣ выигралъ.

— Ты что жъ мнѣ навралъ, что здѣсь какіе-то сборы бралъ! крикнулъ ему Котомцевъ. — Здѣсь нѣтъ ни театра, ни театральной залы, ни декорацій...

— Вздоръ! Есть, есть. Все есть. Мы въ мыловаренномъ заводѣ тогда играли. Тамъ и декораціи были, и занавѣсъ, отвѣчалъ Сусловъ. — Нѣтъ, ты вообрази, комику Богъ два рубля съ четвертакомъ послалъ. Ежели такъ каждый день пойдетъ дѣло, то и умирать не надо.

— Въ мыловаренномъ заводѣ?

— Да, въ мыловаренномъ заводѣ. Тамъ когда-то былъ мыловаренный заводъ.

— А гдѣ этотъ мыловаренный заводъ?

— А это за городомъ будетъ. Недалеко, но все-таки версты полторы... Тамъ и декораціи, тамъ и... Занавѣсъ мы, впрочемъ, тогда изъ мебельнаго ситцу дѣлали.

— Хватайся, Анатолій, скорѣй хоть за мыловаренный заводъ, сказала Котомцеву жена. — Съѣзди. Посмотри...

— Да вѣдь этотъ мыловаренный заводъ былъ въ семьдесятъ девятомъ году, а существуетъ ли онъ теперь? Можетъ быть, давно ужъ развалился или сгорѣлъ, сказалъ Котомцевъ.

— Существуетъ, существуетъ. Въ немъ еще на Пасхѣ любители играли, отвѣчалъ Сусловъ.

— Вотъ видишь, и любители есть! подхватила жена Котомцева. — Сусловъ-то лучше тебя. Онъ все узналъ.

— Да какъ же не узнать-то! Я сейчасъ съ однимъ любителемъ въ трактиръ водку пилъ. Здѣшній нотаріусъ. Онъ даже просилъ меня, не будетъ ли ему какой-нибудь рольки, ежели мы спектакли ставить начнемъ.

— Видишь, видишь. А ты говоришь, что нѣтъ любителей. Чѣмъ бы, вотъ, у головы водку пить, ты бы лучше въ трактиръ ознакомился съ здѣшними жителями, заговорила жена Котомцева.

— Ахъ ты, Господи! воздѣлъ руки кверху Котомцевъ. — Да не съ тобой ли мы вмѣстѣ рѣшили, что надо прежде всего къ головѣ итти съ визитомъ!

— Тутъ, оказывается, и любительница есть. Самая ярая любительница. Жена лѣсничаго, рассказывалъ Сусловъ. — Она-то на Пасхѣ и устраивала спектакль. Поетъ даже... Съ голосомъ... Отличный

рояль у ней есть, фисгармоника есть. Мужъ ея, лѣсничій, скрипачъ. Это мнѣ все рассказывали нота-ріусъ и тотъ купецъ, у котораго я два съ четвертью на билліардѣ выигралъ.

— Ну, скажите на милость, а Анатолій вернулся отъ головы и рассказываетъ мнѣ, что здѣсь нѣтъ любителей! всплескивала руками Котомцева.

— Все есть. Піанистъ даже есть, который можетъ играть въ антрактахъ спектакля. Онъ здѣсь часовыхъ дѣлъ мастеръ и настройщикъ, а также и на вечеринки играть танцы ходитъ съ своимъ піанино...

— Поѣзжай сейчасъ, Анатолій, съ Сусловымъ и осмотрите мыловаренный заводъ.

— Душечка, вѣдь мыловаренный заводъ за городомъ... Въ немъ хорошо лѣтомъ играть. Сусловъ ставилъ тамъ живыя картины тоже лѣтомъ, жена лѣсничаго давала спектакль на Пасхѣ, стало-быть весной, но кого понесетъ въ спектакль за городъ глубокой осенью или зимой! говорилъ Котомцевъ.

— Однако, надо же гдѣ-нибудь играть, ежели другого мѣста нѣтъ.

— А можетъ быть, полицейскій надзиратель выхлопочетъ намъ у головы залу въ ратушѣ. Тогда мы возьмемъ декораціи изъ мыловареннаго завода и будемъ играть въ ратушѣ. По моему, ужъ ежели ѣхать сейчасъ, то ѣхать знакомиться съ лѣсничихой и съ ней переговорить о спектакляхъ. Ъдемъ, Сусловъ!

— Позволь... Какъ же я поѣду къ лѣсничихѣ, ежели у меня другихъ брюкъ, кромѣ этихъ, нѣтъ, отвѣчалъ Сусловъ.

— Да у тебя брюки вовсе не такъ плохи.

— Ну, все-таки... У меня, видишь, есть брюки черные подъ фракъ, я ихъ купилъ у Десятникова, но они мнѣ длинны и ихъ надо обрѣзать... А эти...

— Брось... Ей-ей, можно и въ этихъ брюкахъ...

— Однако, вотъ ты во фракѣ... Приличнымъ манеромъ...

— Я сейчасъ къ властямъ ходилъ съ визитомъ. Полно тебѣ... Пойдемъ.

— Сними фракъ и одѣнься въ пиджакъ, тогда я пойду...

— Ахъ, какой несносный человѣкъ! Ну, хорошо. Котомцевъ отправился за занавѣску переодѣваться.

II.

Спросивъ въ трактирѣ, гдѣ живетъ лѣсничій, Котомцевъ и Сусловъ отправились къ нему на квартиру. Лѣсничій жилъ совсѣмъ на краю посада въ незамощенной еще улицѣ, въ собственномъ небольшомъ вновь отстроенномъ деревянномъ домикѣ съ мезониномъ. Окрашенный въ желтую краску съ зелеными ставнями, домикъ глядѣлъ опрятно и привѣтливо. Около него, вмѣсто тротуара, были сдѣла-

ны новые деревянные мостки. Впрочемъ, дабы дойти до дома лѣснаго, Котомцеву и Суслову пришлось шагать по изумительной грязи. Стояла осень. Былъ октябрь на дворѣ. Вскорѣ они остановились передъ подъѣздомъ, выходящимъ на улицу, на мѣдной дверной доскѣ котораго была выгравирована надпись «Вадимъ Семеновичъ Гусинъ», и позвонились въ колокольчикъ. Имъ отворила горничная.

— Дома баринъ? спросилъ Котомцевъ.

— Нѣтъ, они въ отъѣздѣ.

— А барыня?

— Барыня-то дома... протянула горничная, подозрительно осматривая потертыя пальто посѣтителей, и спросила:— А какъ объ васъ сказать? Кто вы такіе?

— А вотъ передайте ей наши карточки, сказалъ Котомцевъ и полѣзъ въ карманъ.— Давай твою карточку, отнесся онъ къ Суслову.

— Откуда? у меня карточекъ никогда и не бывало.

Горничная взяла карточку, на которой подъ короной было написано — «артистъ Анатолій Евграфовичъ Котомцевъ», и захлопнула дверь передъ самымъ носомъ посѣтителей. Черезъ минуту она снова появилась въ открытой двери и ужъ другимъ тономъ заговорила:

— Пожалуйста, пожалуйста. Барыня очень проситъ.

Котомцевъ и Сусловъ вошли въ свѣтленькую прихожую съ ясневой вѣшалкой, яснымъ диваномъ и яснымъ столикомъ, поставленнымъ передъ зеркаломъ въ ясневой рамѣ. Горничная сняла съ нихъ пальто. Котомцевъ взглянулъ въ зеркало, взбилъ прическу и, крикнувъ, перешелъ въ гостиную съ множествомъ филейнаго вязанья на мягкой мебели. Лампы были подъ шелковыми абажурами, украшенными кружевами. Стоялъ кабинетный рояль, поодаль отъ него — гармонь-флейта, на роялѣ лежала скрипка. Въ гостиной никого не было, но вскорѣ въ нее вышла лѣсничиха, закутанная въ оренбургскій пуховый платокъ и съ сильными слѣдами пудры на лицѣ. Очевидно, ее застали врасплохъ, и наскоро накинутый на плечи платокъ скрывалъ нѣкоторыя неисправности туалета. Это была маленькая, кругленькая женщина лѣтъ за тридцать, блондинка съ кудерьками на лбу и не лишенная пикантности.

— Артистъ Анатолій Евграфовъ Котомцевъ, рекомендовался Котомцевъ. — А это мой товарищъ по сценѣ, Сусловъ.

— Крещенъ Ексакустодіаномъ, но для удобства прошу звать просто Егоромъ Васильичемъ. На Ексакусто... тѣфу! На это имя я больше даже и не откликаюсь, вставилъ свое слово Сусловъ.

— Очень пріятно, господа, очень пріятно... Прошу покорно садиться, заговорила хозяйка, и усадивъ гостей, и сама усѣлась на маленькій диванъ.

чикъ, уютно прислонившись къ спинкѣ его.— Не ужели вы прѣхали давать спектакли въ нашемъ захолустномъ Гусятниковѣ?

— Вообразите, да... отвѣчалъ Котомцевъ.— Буду говорить прямо, по душѣ... началъ онъ.

— Ты ужъ, Котомцевъ, не утаивая ни единого слова, не щадя ни родства, ни дружбы, по чистой совѣсти и правдѣ... перебилъ его Сусловъ и захихикалъ.

— Молчи... Буду передъ вами говорить откровенно... продолжалъ Котомцевъ.— Вы женщина образованная, а потому поймете меня. Ваше имя, отчество позвольте узнать?

— Ольга Сергѣевна, дала отвѣтъ хозяйка.

— Мы захудалые актеры, Ольга Сергѣевна.— Долго ждали ангажемента на зимній сезонъ, да такъ и не дождались. Не потому не дождались, чтобы ужъ хуже другихъ были, а просто оттого, что нашего брата актера очень ужъ много развелось на святой Руси. Каждый выгнанный гимназистъ—актеръ, каждая сбѣжавшая отъ мужа жена—актриса. Некуда дѣться—въ актеры. Такъ мы актеры, не получившіе ангажемента. А между тѣмъ пить, ѣсть надо. Вотъ мы и составили сосѣтѣ, артистическое товарищество, заложились, собрали послѣднія крохи и поѣхали играть по маленькимъ городамъ и городишкамъ. Ъхать въ большіе города—тамъ вездѣ антрепренеры и большія труппы, такъ мы по ма-